

УДК 82.161.1(091)"18"

**«ЩЕНКОМ ИЗВОЛИЛ БРАНИТЬ...»
(О «СОБАЧЬИХ» МОТИВАХ В РОМАНЕ
И.А.ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»)¹**

Сергей Алексеевич Ларин

сотрудник Центра филологического обеспечения организационной деятельности

Воронежский государственный университет

Воронеж, ул. Вл. Невского, д.7, кв. 23. larin-s@yandex.ru

В статье рассматривается функционирование в романе «Обломов» комплекса мотивов, связанных с образом собаки. Анализ этих элементов позволяет лучше понять природу взаимоотношений между героями, приблизиться к постижению определяющих не только для «центрального» романа И.А.Гончарова, но и для всего творчества писателя властных отношений. «Собачьи» атрибуты в изображении героев в большинстве случаев указывают на слабость, предсказывают неудачу и поражение.

Ключевые слова: мотив; семантическая структура; анималистическая символика; собака; медведь; власть; еда.

Среди персонажей романа «Обломов», наделенных «собачьими» атрибутами², *земляк* главного героя Михай Андрейч Тарантьев выделяется и особой манерой общения со знакомыми и сослуживцами, и системой ценностей. Именно эти черты героя послужат поводом для уподобления его собаке: «Он был взяточник в душе, по теории, ухитрялся брать взятки, за неимением дел и просителей, с сослуживцев, с приятелей, бог знает как и за что – заставлял, где и кого только мог, то хитростью, то назойливостью, угощать себя, требовал от всех незаслуженного уважения, был придиричив. <...> От этого он в кругу своих знакомых играл роль большой сторожевой собаки, которая лает на всех, не дает никому пошевелиться, но которая в то же время непременно схватит на лету кусок мяса, откуда и куда бы он ни летел» (40)³.

Определяющими в характере Тарантьева являются корысть, алчность, которые реализуются и в «гастрономической» сфере («Его никогда не смущал стыд за поношенное платье, но он не чужд был тревоги, если в перспективе дня не было у него громадного обеда с приличным количеством вина и водки» (40)), и во взаимоотношениях его с окружающими.

Первоначально в рукописи романа образ Тарантьева строился на сочетании «собачьих» и «медвежьих» черт. Обломов прямо называл *земляка* медведем: «Ну, брат, ты прямой медведь,

Михей Андрейч, кто так делает: только медведи в лесу; и те, я думаю, тише; вот ты ногтями, я думаю, совсем до крови разодрал мне плеча...» (V: 56–57)⁴. Обратим внимание на то, что в отличие от окончательного текста медведь здесь характеризуется открытой, «природной» агрессивностью, свойственной всем *диким зверям*. Неслучайно в главе «Сон Обломова» он появляется в одном контексте с волком⁵.

В окончательном тексте явные «медвежьи» черты в герое автором были устранены. И в качестве напоминания о первоначальном замысле осталось только его имя (Михей) и «медвежье» поведение. Одна из причин этого, как можно предполагать, заключается в стремлении Гончарова избавиться от слишком явного сходства своего героя с гоголевским Собакевичем, также совмещающим «медвежьи» манеры с говорящей «собачьей» фамилией⁶.

Тарантьев на протяжении всего повествования не скупится на эпитеты. Именно он называет Захара *старым псом* (46), Обломова – *колодой* (41), *овечкой* (393), Штольца – *шельмой продувной* (393), Алексеева – *овцой* (48). Определения эти, как представляется, весьма значимы для понимания места и роли данных героев в повествовании⁷.

Любопытную оппозицию выстраивает Тарантьев, комментируя письмо обломовского старосты. «Натуральность», правдоподобность, фор-

мальная безупречность *доклада* старосты вызывают у него сомнение в истинности того, что сообщается в письме. По мнению Тарантьева, подозрение должна вызывать уже сама безукоризненная форма письма, в котором староста *прибрал* «слово к слову» (48), потому что «все мошенники натурально пишут» (48). Комичность ситуации и репутация самого разоблачителя не исключают, однако, ни серьезности его слов, ни значимости данного эпизода в целом, поскольку очевидно: Тарантьев оказывается прав, и правдоподобность его предположения возрастает именно в силу того, что исходит от героя, который хорошо знает цену подобному сочинительству.

Более того, по словам Тарантьева, мошенника как раз и можно опознать по его письму, по той ловкости, с которой он его пишет. «Стало быть, староста твой уж потому бестия, что ловко и натурально написал» (48), – резюмирует Тарантьев. Показательно, что, делая подобный вывод, он апеллирует к своим собеседникам – Обломову и Алексею, которые *натурально* написать не способны⁸.

Эпитет *овца* использует Тарантьев в отношении Обломова во время разговора с Мухояровым (III гл., 4 ч.), подчеркивая «страдательную» позицию Ильи Ильича, источником же агрессии оказывается Штольц: «Каков шельма этот немец! Уничтожил доверенность да на аренду имение взял! Слыханное ли это дело у нас? Обдерет же он овечку-то» (393). И хотя «опасения» Тарантьева не подтвердятся, однако очевидно, что хотя бы отчасти он окажется прав. Можно вспомнить в связи с этим знаменательное высказывание Гончарова в письме от 11 ноября 1870 г. к С.А.Толстой: «Никакой Штольц не отдаст того, что взяли у бедного Обломова!» [Гончаров 1980: 389]. Обломов действительно пострадает от Штольца, только не в материальной сфере: Ольга оставит Илью Ильича ради его друга. Причем в рукописи романа этот мотив звучал открыто: Ильинская признавалась Штольцу в том, что любила его до Обломова (см.: (V: 236)). Характерно, что и это не укрылось от внимания Тарантьева: своими наблюдениями он «поделится» с Ильей Ильичом во время последнего визита. «Буду кричать, – *вопил* Тарантьев, принуждая Обломова отдать Ивану Матвеевичу половину его состояния, – пусть срамится этот олух! Пусть обдует тебя этот мошенник немец, благо он теперь стакнулся с твоей любовницей...» (445).

Заметим, что отдельные черты в изображении Тарантьева напоминают Марка Волохова. Это и резкая, грубая манера в обращении с окружающими, и значительное риторическое превосход-

ство в спорах. Объединяет героев и «неравнодушное» отношение к чужой собственности.

«Собачьи» черты имеет и другой недоброжелатель Обломова Иван Матвеевич Мухояров. «Он был лет сорока, – читаем про героя при первом его появлении в романе, – с прямым хохлом на лбу и двумя небрежно на ветер пущенными такими же хохлами на висках, похожими на собачьи уши средней величины. Серые глаза не вдруг глядели на предмет, а сначала взглядывали украдкой, а второй раз уж останавливались» (306).

Отметим присутствие в изображении Мухоярова «волосяного» мотива, который объединяет всех героев «Обломова», наделенных «собачьими» атрибутами. Первый из них, Захар, хотя и имел *голый, как колено, череп*, однако был обладателем *необъятно широких и густых русых с проседью бакенбард*, «из которых каждой стало бы на три бороды» (9). В описании Тарантьева прямо не упоминается каких-либо деталей, актуализирующих «волосяной» мотив. Повествователь только заметит, что *земляка* Обломова «не всегда... удавалось видеть чисто обритым» (37). Однако в окончательный текст не вошел фрагмент характеристики Тарантьева, в котором данный мотив играл значительную роль: «Густые черные волосы волнами покрывали его голову и лоснились... природным жиром, который проступал и в лице; в ушах у него росли какие-то кусты волос; мохнатые и жирные руки с короткими пальцами высывались... выше кисти из рукавов и походили на лапы ньюфаундлендской собаки» (V: 41). Обратим внимание на то, что (как и в изображении Мухоярова) данная черта предопределяла принадлежность обломовского *земляка* к «собачьей» породе⁹. Это, вероятно, и послужило одной из причин невключения рассматриваемого фрагмента в окончательный текст романа. Вместо этого определяющей характеристикой Тарантьева становится его склонность к скандалам, склочность, а «лай» служит лейтмотивом, сопровождающим образ этого героя.

Доминантой образа Ивана Матвеевича Мухоярова являются алчность, стремление к наживе. Отсюда и склонность героя к разного рода аферам, сулящим материальные блага, и большие познания в гастрономической сфере (в частности, алкогольных напитках¹⁰). Братец Пшеницыной даже больше, чем Тарантьев, любитель хорошо поесть. При этом Мухояров не стремится к внешнему блеску. Как замечает повествователь, «Иван Матвеевич Мухояров был, в гастрономическом отношении, великий эпикуреец. Он был более нежели небрежен в платье, в белье... <...> но что касалось стола, он не щадил издер-

жек» (376). «В этом он отчасти руководствовался своей собственной, созданной им, со времени вступления в службу, логикой: “Не увидят, что в брюхе, – и толковать пустяков не станут; тогда как тяжелая цепочка на часах, новый фрак, светлые сапоги – все это порождает лишние разговоры”» (376).

Небрежное отношение к одежде (и вообще к своему внешнему виду) является характерным признаком и других героев «Обломова», наделенных «собачьими» чертами, – Захара и Тарантьева. Даже Илья Ильич отчасти подвержен этой «болезни» во время приступов обломовщины. Однако только у Мухоярова это «отрефлексировано», подчинено определенной логике, продиктовано особыми соображениями, а не является результатом низкой культуры, как у Захара и Тарантьева.

Сравнения с собакой Мухояров удостоится в романе еще раз. И поводом к этому опять послужат его гастрономические пристрастия: «Он иногда сам обходит и обнюхает, как легавая собака, рынок или Милютины лавки, под полой принесет лучшую пулярку, не пожалеет четырех рублей на индейку» (376). Так в «собачьем» контексте появляется «обонятельный» мотив (столь значимый в произведениях старшего современника и одного из учителей Гончарова – Н.В. Гоголя). В одном из фрагментов рукописной редакции романа Тарантьев, Захар и Алексеев по запаху обнаруживали *раздушенную записочку Веры Павловны* (см.: (V: 65)). В окончательном печатном тексте этот мотив появляется в повествовании в связи с образом Тарантьева. Однако теперь он получит «бытовое» объяснение: *земляк* Ильи Ильича попросит у Алексеева нюхательного табака.

Среди героев «Обломова», наделенных «собачьими» чертами, особое положение занимает Захар. Именно с его появлением данная тема входит в повествование. Причем происходит это уже при первом упоминании героя в романе, при первом знакомстве с ним читателя. В ответ на призыв Обломова «в комнате, которая отделялась только небольшим коридором от кабинета Ильи Ильича, послышалось сначала точно ворчанье цепной собаки, потом стук спрыгнувших откуда-то ног. Это Захар спрыгнул с лежанки, на которой обыкновенно проводил время, сидя погруженный в дремоту» (9). *Ворчание*, с которым слуга Обломова возникает в сюжете, – один из лейтмотивов, связанных в повествовании с образом данного героя (см.: (10; 46; 88 и др.)). Захар также и завершает в романе «собачью» линию (см.: (490)).

Слуга Ильи Ильича, в отличие от другого обладателя «собачьих» признаков Тарантьева (образ которого подвергся значительной переработке в окончательном печатном тексте), наделается автором еще и «медвежьими» чертами. «Медвежье» проступает в герое во время конфликта с Тарантьевым и Обломовым (IV и VIII главы, 1 части). Это как бы защитная реакция Захара, подвергающегося «нападению», а в случае *земляка* Обломова и открытому оскорблению.

Медведь наряду с *волком*, как учила обломовская мудрость, передаваемая няней Ильи Ильича через сказки, в которых «медведь с деревянной ногой» (118) оказывался в одном контексте с рассказами о «мертвецах, поднимающихся в полночь из могил» и т. п. (118), – самые опасные *дикие звери*. Неслучайно, желая подчеркнуть царящую в Обломовке безмятежность, повествователь скажет о том, что вместе с «неположенными» для данной местности хищниками там отсутствовали также и эти звери: «...не водится там ядовитых гадюк; саранча не залетает туда; нет ни львов рыкающих, ни тигров ревущих, ни даже медведей и волков, потому что нет лесов. По полям и по деревне бродят только в обилии коровы жующие, овцы блеющие и куры кудахтающие» (101).

Однако медведь не наделен у Гончарова однозначно негативной семантикой. Ведь даже в сказке, которую рассказывала Обломову его няня, медведь с *деревянной ногой* не просто *дикий зверь*, нарушитель спокойствия. Он «идет по селам и деревням отыскивать отрубленную у него натуральную ногу» (118), то есть восстановить справедливость, восполнить «недостачу», выступая своеобразным символом возмездия. В «Обрыве» медведем назван «положительный» Тушин. И именно в роли покровителя, «лесного», «заречного» защитника он в сюжете и фигурирует, приходя на помощь тогда, когда это необходимо.

Захар едва ли не единственный герой Гончарова, который открыто признает свою «звериную», «собачью» природу. Причем делает он это, как может показаться сначала, не только в полемических целях, желая отвести от себя подозрения в принадлежности в змеиной «породе» и нейтрализовать своим признанием «неприятное» для него определение Обломова. Так, реагируя на инвективу Ильи Ильича *ядовитый человек*, Захар скажет: «Мы при старом барине родились и выросли, он и щенком изволил бранить, и за уши драл, а этакого слова не слыхивали...» (80).

Значительно позднее Захар сам «награждает» себя определением (хотя для этого как будто бы не было значительного «внешнего» повода), ко-

торое в устах Тарантьева в 1-й части романа вызывало лишь его ответную «медвежью» агрессию. Сообщение Обломова о женитьбе Штольца на Ольге Ильинской искреннее радуется не только Илью Ильича, но и его слугу. Захар даже сознается в том, что раньше упрямо отрицал. «Поделом бранили меня тогда Илья Ильич, старого пса! Грешен, виноват: все на вас сворачивал. Я тогда и людям ильинским рассказал, а не Никита! Точно, что клевета вышла. Ах ты, Господи, ах, Боже мой!.. – твердил он, уходя в переднюю» (434)¹¹. Обратим внимание на то, что «собачья» характеристика, которой награждает себя Захар, появляется в связи с обманом, клеветой¹².

Однако уже в самом начале «Обломова» благодаря Судьбинскому собака оказывается втянута в своего рода «криминальный» сюжет. Бывший сослуживец Ильи Ильича расскажет историю, где будут фигурировать *собачьи конуры*, которые, согласно поступившему из губернии представлению, должны были быть возведены при зданиях, принадлежащих его ведомству, «для сбережения казенного имущества от расхищения» (24). Но некий *неисправимый* Семен Семеныч, «только мастер пыль в глаза пускать» (24), усомнился в *очень умеренной* смете, которую составил «архитектор, человек дельный, знающий и честный» (24), «давай наводить справки» (24), «нашел где-то тридцатью копейками меньше – сейчас докладную записку...» (24). Несмотря на то, что никакого продолжения эта история не имела да и сам Судьбинский почти сразу покинул Обломова, так и не выслушав его рассказ о *двух несчастях*, данный эпизод представляет особый интерес. Собака оказывается здесь связана с обманом, мошенничеством в «финансовой сфере». И в дальнейшем повествовании эта связь неоднократно будет актуализирована. Характерный пример – эпизод, в котором Тарантьев убеждает Обломова переехать на Выборгскую сторону. На обвинение (вполне справедливое, как вскоре убедится читатель) Тарантьева («...ни кухарка, ни Захар воровать не будут...» (46)) Захар реагирует вполне «пособачьи»: «В передней слышалось ворчанье» (46).

Сравнение Захара с собакой в VII главе 1-й части романа подчеркивает неосознаваемое и неконтролируемое, «животное» чувство преданности его барину и даже «не к Илье Ильичу собственно, а ко всему, что носит имя Обломова, что близко, мило, дорого ему» (71): «Захар умер бы вместо барина, считая это своим неизбежным и природным долгом, и даже не считая ничем, а просто бросился бы на смерть, точно так же как собака, которая при встрече с зверем в лесу бро-

сается на него, не рассуждая, отчего должна броситься она, а не ее господин» (71)¹³.

Образ собаки как символ преданности и бескорыстного служения мы встречаем уже в первом романе Гончарова «Обыкновенная история». Тетка Александра Адуева Мария Горбатова напишет Петру Иванычу, намекая на их прошлые отношения: «Если бы я знала о его (Александра. – С.Л.) отъезде, дни и ночи сидела бы и вышила бы для вас подушку: арап с двумя собаками; вы не поверите, как я много раз плакала, глядя на сей узор: что может быть святее дружбы и верности?...» (I: 197–198)¹⁴.

Повествователь неоднократно говорит о непосредственном, естественном, «природном» проживании жизни обломовцами, об их «некритическом» отношении к своему существованию. Отсюда, как можно предполагать, и сравнение их с праздно сидящими собаками¹⁵. Вот как описываются занятия жителей Обломовки, ожидающих ужин: «После чая все займется чем-нибудь: кто пойдет к речке и тихо бродит по берегу, толкая ногой камешки в воду; другой сядет к окну и ловит глазами каждое мимолетное явление: пробежит ли кошка по двору, пролетит ли галка, наблюдатель и ту, и другую преследует взглядом и кончиком своего носа, поворачивая голову то направо, то налево. Так иногда собаки любят сидеть по целым дням на окне, подставляя голову под солнышко и тщательно оглядывая всякого прохожего» (114)¹⁶.

В эпизоде «расправы» Обломова над своим слугой (во время *патетической сцены*) уподобление Захара собаке подчеркивает его «пассивную», «страдательную» роль. Характерно, что здесь возникает оппозиция «господин – собака», манифестирующая тему власти. «Захар, услышав... зов (Ильи Ильича. – С.Л.), – читаем в «Обломове», – не прыгнул по обыкновению с лежанки, стуча ногами, не заворчал; он медленно сполз с печки и пошел, задевая за все и руками и боками, тихо, нехотя, как собака, которая по голосу господина чувствует, что проказа ее открыта и что зовут ее на расправу» (88-89). Параллель «собака – слуга» возникает и в другом эпизоде романа, в котором Захар жалуется дворне на своего барина: «Сегодня напустился – срам слушать! А за что? Кусочек сыру еще от той недели остался – собаке стыдно бросить – так нет, человек и не думай съесть!» (144).

Направленная Обломовым против Тарантьева инвектива (сравнение с собакой) во время последнего визита *земляка* в дом на Выборгской стороне (VII глава, IV части) призвана, «разоблачить», «уничтожить», ослабить его речевую позицию. Илья Ильич «обезоруживает» Тарантьева,

называя «настоящим» именем: «“Вон, мерзавец! Сию минуту, чтоб нога твоя здесь не была, или я убью тебя, как собаку!” Он искал глазами палки» (446).

Как замечает А.Молнар, «лживый Тарантьев в романе... олицетворяет мифопоэтический образ “собаки”, символизирующий нечистую силу, противника Громовержца, который своим лаем, как матерной бранью, оскверняет землю (см. лаять “ругать – бранить”» [Молнар 2004: 104].

Казачок *Андрюшка* в X главе 1 части «Обломова» будет назван Матвеем Мосеичем *щенком* словно в качестве дополнения к применяемым в «педагогических» целях телесным наказаниям. Вот как это описано в романе:

Он взял его одной рукой за волосы, нагнул ему голову и три раза методически, ровно и медленно, ударил его по шее кулаком.

– Барин пять раз звонил, – прибавил он в виде нравоучения, – а меня ругают за тебя, щенка этакое! Пошел! (145).

Щенок, как и в случае с Захаром (см. выше), возникает здесь в связи с физическим воздействием, насилием.

Любопытно, что «собачьими» атрибутами будет наделен и герой как будто бы совершенно другого амплуа Марк Волохов. «Превращение» волка Волохова в *собаку* происходит в тот момент, когда Райский узнает имя избранника Веры, Марк разоблачен, а потому оказывается «слаб» и утрачивает свою грозную таинственность (см.: (VII: 366)).

В близком смысловом контексте единственный раз в «Обломове» (в знаменитой «сцене с письмом») появляется сравнение с собакой самого Ильи Ильича как свидетельство его «страдательной», жертвенной роли, указание на готовность повиноваться, смирять свои желания, следуя воле возлюбленной (см. (263)).

Тот же мотив можно обнаружить и в «Обыкновенной истории». Сравнение более «податливого», «пассивного», отдающего себя в полную власть возлюбленного участника любовной пары с *собачкой* – мотив, присутствующий в речи и старшего и младшего Адуевых. Возмущенный советом Петра Иваныча, Александр, отстаивая свое представление о любви, заметит: «Нет! что ни говорите, а для меня больше упоения – любить всеми силами души, хоть и страдать, нежели быть любимым, не любя или любя как-то вполтину, для забавы, по отвратительной системе, и играть с женщиной, как с комнатной собачонкой, а потом оттолкнуть...» (I: 302–303). Петр Иваныч воспользуется этим же сравнением в своих целях. Обосновывая уязвимость выбранной Александром стратегии поведения в отно-

шениях с Любецкой, он скажет племяннику: «Ты бы не должен был обнаруживать пред ней чувства во всей силе: женщина охлаждается, когда мужчина выскажется весь... Ты бы должен был узнать ее характер да и действовать сообразно этому, а не лежать как собачонка у ног» (I: 305)¹⁷. Обратим внимание на пересечение в сравнении Адуева-старшего двух мотивов: анималистическая символика (сравнение с *собачкой*) усиливается здесь пространственной символикой (оппозицией верх – низ).

Неоднократно повторяющаяся в «Обломове» картина сидящей Ольги и пребывающего у ее ног Ильи Ильича Обломова выражает эту идею превосходства Ильинской и жертвенного служения ей героя (см.: (240), (350)).

Показательно, что этот же мотив (только, разумеется, в его негативном варианте) присутствует и в характеристике Штольца, где подобная позиция прямо будет названа *рабской*: «Он и среди увлечения чувствовал землю под ногой и довольно силы в себе, чтоб в случае крайности рвануться и быть свободным. Он не ослеплялся красотой и потому не забывал, не унижал достоинства мужчины, не был рабом, “не лежал у ног” красавиц, хотя не испытывал огненных радостей» (163)¹⁸.

Характерно, что взгляды Штольца на отношения между мужчиной и женщиной разделяет и Ольга. «И опять уйду и не ворочусь более, если ты будешь играть мной, – скажет она Обломову после того, как, продемонстрировав свою власть, возвратится к нему, чтобы услышать предложение «руки и сердца». – Тебе понравились однажды мои слезы, теперь, может быть, ты захотел бы видеть меня у ног своих и так, мало-помалу, сделать своей рабой, капризничать, читать мораль, потом плакать, пугаться, пугать меня, а после спрашивать, что нам делать?» (284).

С Захаром сопряжен и еще один мотив, который в повествовании как будто не получает никакой открытой, явной реализации. Жалуясь на своего барина *дворне* у ворот, он «наделяет» себя чуть ли не инфермальными признаками, ассоциирующимися с враждебными «человеческому роду» существами. «Сегодня напустился – срам слушать! – рассказывает Захар про Илью Ильича. – А за что? Кусочек сыру еще от той недели остался... Спросил – “Нет, мол” – и пошел: “Тебя, говорит, повесить надо, тебя, говорит, сварить в горячей смоле надо да щипцами калеными рвать; кол осиновый, говорит, в тебя вколотить надо!”» (144). Дело здесь не только в комичности ситуации, возникающей за счет несоответствия приписываемых Обломову слов с теми, которые можно было бы от него ожидать. Своей «самоха-

рактической», «самооценкой» Захар сближается с другим героем Гончарова – Марком Волоховым, обладателем «литературного» псевдонима – Секлетей **Бурдалахова** (= вурдалак)¹⁹, вполне соответствующего его образу жизни и «повадкам». (С Захаром, так же как и с Волоховым, оказываются связаны одновременно и «собачьи» и «змеиные» мотивы.) И это позволяет несколько иначе оценить ту роль, которую играет Захар в повествовании вообще и жизни Обломова в частности.

Своим признанием Захар как будто бы и разоблачает свою роль в судьбе Обломова. Очевидно, что в своем противостоянии с Ольгой за влияние на Илью Ильича побеждает именно Захар, с наибольшей полнотой олицетворяющий «обломовский» элемент. И эта победа определит будущую трагическую судьбу главного героя.

Героям-«собакам» у Гончарова противопоставлены героини-«волки», которых отличает успешность, удачливость, причем не только в любовной, но и в социальной сферах. И если героиня, наделенная «собачьими» чертами, обречена в любовном поединке на поражение, то волк всегда может рассчитывать на добычу²⁰.

Поэтому, несмотря на то, что и Захар, и Тарантьев, и Мухоморов обладали отменным аппетитом, любили выпить и не прочь были поживиться за счет Обломова, Гончаров не наделяет их «волчьими» чертами. С «волком» Штольцем они конкурировать не способны. И если Захара слабым делает его бессознательное страстно-почтительное отношение к другу своего барина, похожее на то, которое он испытывает к самому Илье Ильичу, то Тарантьев и Мухоморов просто не могут противостоять предприимчивости и силе Штольца.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта 2.1.3 / 4705 «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)» при поддержке гранта Федерального агентства по образованию (Рособразования).

² Впервые вопрос о функции «зооморфной» символики в творчестве романиста ставит В.И.Мельник в монографии «Этический идеал И.А.Гончарова» (1991). «Нехарактерное для более ранних гончаровских произведений обилие анималистических образов» [Мельник 1991: 87] в «Обрыве» исследователь объясняет полемикой писателя с позитивистами.

³ *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 4. С. 40. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках. Роман «Обломов» цит. по этому изданию с указанием в скобках только страниц.

⁴ См. также: (V: 48; 54).

⁵ В рукописи романа, отводя «подозрения» в ядовитости, Захар приносил такую фразу: «...что я за

ядовитый! я никого не убил; это только медведь и волк ядовитые бывают: они [губят] режут народ...» (V: 146).

⁶ «Собачья» топика становится предметом рассмотрения преимущественно в работах, посвященных творчеству Н.В.Гоголя. См., например: [Spieker 1991], [Ковач 1993], [Фаустов 2010: 173-175]. Любопытно, что этот «спонтанный» интерес к данной теме в творчестве писателя можно объяснить и «статистически». Согласно данным, полученным с помощью разработанных в рамках проекта «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)» для целей лингвостатистического анализа общелитературных и авторских универсалий компьютерных программ, среди писателей первой трети XIX в. относительная частота употребления «собачьей» лексики выше как раз именно в творчестве Н.В.Гоголя. (Ближе всего к Н.В.Гоголю в этом отношении А.Погорельский и В.А.Жуковский.) Однако среди 89 авторов XVIII–XIX вв., чье творчество рассматривается в рамках проекта, по количеству «собачьих» лексем Н.В.Гоголь занимает 11-е место (Гончаров – лишь 18-е место и 6-е место среди «литературных современников», писателей второй трети XIX в.).

В более широком историко-литературном контексте «собачьи» мотивы рассматриваются в недавно вышедшем сборнике в статьях: [Цимборска-Лебода 2010], [Хетени 2010].

⁷ О риторических стратегиях героев и о функции именованности в «Обломове» см.: [Туниманов 2003], [Ларин 2006б].

⁸ Действительно, самому Обломову письмо к хозяйке дома написать так и не удастся.

⁹ Ср. замечание повествователя об Обломове: «Но дни шли за днями, годы сменялись годами, пушок обратился в жесткую бороду, лучи глаз сменились двумя тусклыми точками, талия округлилась, волосы стали немилосердно лезть, стукнуло тридцать лет...» (55).

Потеря волос в романе связана с взрослением, приобретением опыта, *вступлением в сферу сознания* (и нередко сопряжена с насилием).

¹⁰ «Алкогольные» мотивы в «Обломове» (как и вообще у Гончарова) связаны с реализацией властных отношений. См.: [Onishi Ikuo 2000], [Филиппова 2001], [Ларин 2006а].

¹¹ Аналогичное «признание» Захар, будучи нищим, делает и в конце романа, когда встречает Штольца: «Привел Господь дожить до этакой радости меня, пса окаянного...» (490). И здесь появление «собачьего» прозвища, как можно предполагать, инициировано предшествующей ложью Захара, разыгрываемой им ролью: «Милосердые господа! Помогите бедному, увечному в тридцати сражениях, престарелому воину...» (490).

¹² Как можно предполагать, Гончаров обыгрывает здесь многозначность «собачьего» предиката «бредить» (лгать, клеветать). См.: [Даль 1989: 127]. Все героини романа, наделенные «собачьими» атрибутами, не свободны от этого порока. «Собака» в романе оказывается одним из «имен» мошенника.

¹³ Ср. еще: «Захар любил Обломовку, как кошка свой чердак, лошадь – стойло, собака – конуру, в которой родилась и выросла» (72).

¹⁴ В этом контексте нельзя не упомянуть любимую собачку Гончарова Мимишку, которая в течение целого ряда лет была преданным другом писателя.

¹⁵ Знаменательно, что 1860-е гг. Гончаров публикует ряд статей, в которых будет бороться против бродячих собак, по его словам, всегда вызывавших его страх. См.: [Мазон 1912: 42-66].

¹⁶ В похожей роли *собака* появляется в одном из эпизодов «Обрыва», в котором сыновья приехавшего с визитами в город помещика из-за чрезмерной импульсивности и бессознательного, неконтролируемого проявления своих зачастую «деструктивных» желаний, роднящих их скорее с представителями животного мира, чем с людьми, будут уподоблены *негодовалым собакам крупной породы*. См.: (VII: 364).

Не менее выразительно сближение собак с детьми. См.: (VII: 231).

¹⁷ Ср. также: (I: 291), (I: 354).

Одним из основных источников «собачьей» символики у Гончарова, безусловно, является басенная традиция, неоднократно становившаяся предметом изучения. См., например: [Мельник 1991], [Мельник 1999].

¹⁸ Штольц, подобно своему «предшественнику» Петру Ивановичу Адуеву, будет уподоблен *собаке* не повествователем, а героями романа, жителями села Верхлѣво. Ключевой для этого героя оказывается другое определение, «аккумулирующее» его жизненную стратегию, – его уподобление волку.

¹⁹ «Волколаков называют и вурдалаками. В своем письме от имени Веры Марк просит Райского прислать деньги и одежду на имя Секлетей Бурдалаховой. Только полное неведение Райского является причиной неузнавания тайны Веры» [Молнар 2004: 125].

²⁰ Рассмотренный комплекс мотивов можно обнаружить и в более поздних произведениях писателя «Литературный вечер» (1880), «Слуги старого века» (1888).

О *волках* у Гончарова см.: [Гейро 2000: 159-161], [Уба 2005: 140-142], [Ларин 2008].

Список литературы

Гейро Л.С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // И.А.Гончаров. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М.: Наука, 2000. Т. 102. С. 83-183.

Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 8. 559 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 1: А-З. 699 с.

Ковач А. Поприщин, Софии и Меджи (К семантической реконструкции «Записок сумасшедшего») // Гоголевский сборник. СПб.: Образование, 1993. С. 113-120.

Ларин С.А. Алкогольный код в романе И.А.Гончарова «Обломов» // Литература XI-XI вв. Национально-художественное мышление и картина мира: материалы Международной научной конференции, г. Ульяновск, 20-21 сентября 2006 г.: В 2 ч. Ульяновск: УлГТУ, 2006. Ч. I. С. 365-371.

Ларин С.А. «Скажи, ядовитая змея, уязви, ужаль...» (к семантике «жалких слов» в «Обломове» И.А. Гончарова) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2, ч. 2. С. 326-334.

Ларин С.А. «Волчьи» мотивы в романе И.А.Гончарова «Обломов» // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции, г. Казань, 20-22 мая 2008 г.: В 2 ч. Казань: Издательство КГУ, 2008. Ч. 1. С. 208-211.

Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И.А.Гончарова. СПб.: Тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1912. 95 с.

Мельник В.И. И.А.Гончаров и русская литература: (Фольклор, литература средневековья, литература XVIII в.). Ульяновск: Ульян. гос. техн. ун-т, 1999. 88 с.

Мельник В.И. Этический идеал И.А.Гончарова. Киев: Лыбидь, 1991. 150 с.

Молнар А. Поэтика романов И.А.Гончарова. М.: Компания Спутник+, 2004. 157 с.

Туниманов В.А. «Жалкие слова» («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Pro memoria. СПб.: Наука, 2003. С. 168-178.

Уба Е.В. Поэтика имени в романной трилогии И.А.Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. 242 с.

Фаустов А.А. Маленький человек: эпизоды биографии // Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. С. 149-217.

Филиппова Е.В. Функционирование топоса «еда» в романе И.А.Гончарова «Обломов» // Принципы и методы исследования в филологии: конец 20 в. СПб., Ставрополь, 2001. Вып. 6. С. 240-244.

Хетени Ж. Из чего состоит живая собака? По кровной линии набоковских псов // Звери и их репрезентации в русской культуре. Труды Лозаннского симпозиума 2007 г. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. С. 131-147.

Цимборска-Лебода М. Собака в мифологической картине мира Федора Сологуба // Звери и их репрезентации в русской культуре. Труды Лозаннского симпозиума 2007 г. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. С. 113-130.

Onishi Ikuo. On the imagery of things in «Oblo-
mov»: Coffee and vodka // Хоккайдо: дайгаку
бунгакубу киё: = Annu. rep. on cultural science.
Саппоро, 2000. Т. 48, № 3. С. 55-72.

Spieker S. Writing the Underdog. Gogol's
Zapiski Sumasshedshego and its Pretext // Wiener
Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 28. S. 41-56.

**“SCHENKOM IZVOLIL BRANIT...” (ABOUT “DOG” MOTIVES
IN THE NOVEL «OBLOMOV» BY I.A.GONCHAROV)**

Sergey A. Larin

**The employee of the Centre of philological provision of organizational activity
Voronezh State University**

A range of motives, which are related to the figure of the dog in the novel “Oblomov” is regarded in the article. The analysis of the motives allows us to understand the essence of the relationships between the characters, to approach to comprehension of the relations between power and people, which are dominant not only in Goncharov’s central novel but in all his works as well. The “dog” motives in the presentation of the characters (in most cases) indicate their weakness, predict failure and defeat.

Key words: motif; semantic structure; animalistic symbolism; dog; bear; power; food.